

ВРЕМЯ И ТЕКСТ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИК

Санкт-Петербург
2002

А. И. Журавлева

РАННИЕ СТАТЬИ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА КАК ИСТОЧНИК КНИГИ В. В. ВИНОГРАДОВА «ШКОЛА СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО НАТУРАЛИЗМА»

Как известно, сам В. В. Виноградов в предисловии к книге «Эволюция русского натурализма» назвал свой метод «историко-филологическим». Одним из важных проявлений историзма Виноградова было его исключительное внимание к культурно-историческому контексту появления изучаемого произведения. Не была исключением и работа «Школа сентиментального натурализма», анализирующая перелом в истории натуральной школы, обозначенный появлением «Бедных людей» Достоевского. Предваряя тщательный анализ поэтики первого романа Достоевского (преимущественно системы повествования), ученый показывает, что создание «Бедных людей» было вызвано логикой развития натуральной школы.

Новые черты поэтики натуральной школы, появившиеся у Достоевского, по наблюдению Виноградова, были сразу же замечены современниками. На литературную критику эпохи ученый и опирается при описании этих черт.

Хотя в работе Виноградова используются и другие газеты и журналы, главной опорой — и не побоюсь сказать, источником идей и центральных сопоставлений — послужили материалы критика петербургского журнала «Финский вестник» и газеты «Московский городской листок». Эти статьи принадлежат Ап. Григорьеву¹, что, вероятнее всего, не было известно Виноградову. Впрочем, если в ссылках на труды филологов Виноградов был весьма скрупулезен, то литературная критика как источник идей

и наблюдений была для него как бы неким «общим достоянием», и такое отношение вообще было свойственно многим крупным ученым 1920 — 1930-х гг.

Правда, имя Григорьева упоминается в виде глухой ссылки: «см. статьи Ап. Григорьева». Думаю, имелись в виду обзоры «Русская литература в 1851 году» и «Русская литература в 1852 году»

Отмечая, что современники единодушно отнесли Достоевского к гоголевской школе, ученый приводит оговорку «Финского вестника»: «...хотя, может быть ... ему (Достоевскому. — В. В.) суждено довести до *pes plus ultra* гоголевскую школу, т. е. гоголевскую форму и манеру, но не дух того, кто так энергически, так сурово-грустно, говорит, что “пора наконец дать отдых добродетельному человеку”»². Эту цитату полезно было бы привести более полно, — думаю, она была сокращена Виноградовым по цензурным соображениям. Словам Григорьева, которые были процитированы ученым, предшествует следующее рассуждение: «В авторе на каждом шагу виден продолжатель и развиватель Гоголя, хотя развиватель самостоятельный и талантливый; скажем еще более: автор анализирует явления иногда даже больше Гоголя, роется в них глубже, если хотите, и хотя по слову самого главы этой новой школы «равно чудны стекла, озаряющие солнца и передающие движения незамеченных насекомых», но в анализе явления мелкого, хотя и проникнутого сознанием общности, лежит всегда много привязанности к этому отдельному явлению, много любви эгоистической. И потому-то, несмотря на то, что лица драмы его так просты и добры (имеется в виду роман «Бедные люди». — А. Ж.), в холодном, злобном юморе, создавшем Акакия Акакиевича, в величайшем негодовании поэта, проникающего идеал художника Пискарева, более, гораздо более любви общей, мировой, христианской. У Гоголя в лучших его произведениях вы не найдете ни одного лица поэтического, вы видите только степени падения человечности, но вам понятно, что эти степени падения вызваны поэтом во всем их страшном безобразии для того, чтобы сильнее, божественнее, благодатнее отпечатлелось на них христианское озарение: «ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства. Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой вечно стремится к Богу», как говорит великий поэт в одном из

глубочайших своих созданий, в «Портрете»... И как обыкновенно бывает, школа взяла у главы только его односторонности». «Господин Достоевский, человек с большим талантом, смешал личности с минутами их озарения, с минутами возвращения им образа Божия и, уединивши их, так сказать, в особый мир, анализировал их до того, что сам поклонился им»³.

Несомненно, что для Григорьева в это время важна позиция Гоголя как позиция строгого христианина. И это впечатление подкрепляется цитатой из обзора литературной жизни в газете «Московский городской листок», также принадлежащего Григорьеву: «Акакий Акакиевич гоголевской “Шинели” сделался родоначальником многого множества микроскопических личностей; микроскопические печали и радости мелочного страдания, давно уже вошедшие в обыкновение у повествователей, под пером г. Достоевского и г. Буткова доведены до крайнего предела. Основная мысль господина ли Буткова, господина ли Достоевского есть своего рода *fatum*, невозможный в христианском мире: мелочная личность, развившая в себе странные притязания, падает под их гнетом — таков Голядкин. Другая мелочная личность поражена тем, что существование её не обеспечено, и вследствие этой через меру развившейся заботливости утрачивает человечность. Таков Прохарчин»⁴.

Итак, в размышлениях о разнице между «школой сентиментального натурализма» и Гоголем у Григорьева постепенно выработывалось понятие об авторском голосе как источнике ценностной ориентации произведения.

В этих же заметках Григорьева началось формирование его историко-литературной концепции, которая была изложена в его позднем цикле «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина»⁵. Для него была задумана, но не завершена статья «Достоевский и школа сентиментального натурализма», где предполагалась другая, очень высокая оценка Достоевского⁶.

Одним из важных элементов этой концепции было выделение двух направлений прозы: трагического и юмористического, т. е. соответственно — лермонтовского и гоголевского. Смысл этих названий нуждается в пояснении: речь у Григорьева идет не о так называемом пафосе, а о характере и тоне повествования.

В более поздних работах и в письмах Григорьев скажет, что Гоголем владел «демон смеха» (кстати, это выражение встречается и в книге Виноградова в кавычках, но без ссылки).

Субъективный характер юмористического сказа, предложенного Гоголем, оказался слишком специфичен и потому быстро «износился» у продолжателей и подражателей.

Теперь можно вернуться к первой части работы Виноградова, где ученый говорит об исчерпанности возможностей юмористического описания низкой природы, характерного для раннего этапа натуральной школы, и о повороте по этой причине к мотивам «гражданского сентиментализма». И это тоже было отмечено Григорьевым в «Финском вестнике» в библиографической хронике, предваряющей его статью о «Бедных людях»: «По складу речи видно, что автор рассказов человек с образованием; следовало бы ему, хотя в силу образования, знать, что в голых рассказах внешних походов бедняка еще нет юмора, а есть одна довольно неблаговоспитанная насмешка. У Гоголя и его последователей жалкая внешность всюду в борьбе с проблесками лучшего внутреннего, в чем состоял, состоит и будет состоять истинный юмор до тех пор, пока внутреннее уравнивается с внешним, вечное со временным, или, пока два будет одно по слову Евангелия. Как бы то ни было, но приглашаем читателей обратить внимание на талантливых и более или менее бесталаных, пишущих в духе той школы, которую мы назвали гоголевскою. Прибывает товар, значит усиливается запрос. Итак, вот как нынче обстоят потребности публики. Еще лучше доказывается это тем шумом, какой наделало появление таланта г-на Достоевского, автора романа “Бедные люди”»⁷.

При внимательном сопоставлении суждения А. Григорьева и работы Виноградова видно, что концепция критика, современного явлению, и ученого-филолога, обратившегося к тому же явлению спустя чуть ли не век, оказывается сходной во многих важных моментах, несмотря на всю разницу в методологии и методике анализа. Наиболее существенно, что своим путем, на основе прежде всего анализа нравственной проблематики, Григорьев вплотную подходит к проблеме автора, значению и смыслу авторского голоса, определяющего ценностную ориентацию в создаваемой художником картине мира.

Примечания

¹ См.: *Егоров Б. Ф.* Библиография статей и писем Ап. Григорьева // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960.

² *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 150.

³ Финский вестник. 1846. № 9. Отд. V. С. 28.

⁴ Московский городской листок. 1847. № 116. С. 465.

⁵ Переиздание и комментарии, раскрывающие историю цикла и название см.: *Григорьев А.* Эстетика и критика. М., 1980.

⁶ Отрывок опубликован и замысел прокомментирован В. Л. Комаровичем в кн.: Гоголь. Исследования и материалы. Т. 1. Л., 1936.

⁷ Финский вестник. 1846. № 8. Отд. V. С. 76.